УДК 327

Марк НЕЙМАРК

«ХИЩНИКИ» В ГЕОПОЛИТИКЕ И ЕВРОПА

Статья поступила в редакцию 08.09.2021

Аннотация. Трансформационные процессы в мире стремительно ускоряются и в разных вариантах сложно переплетаются. В геополитическом пространстве происходят глубинные разломы. Получили продолжение накопленные в предшествующий период наиболее острые противоречия и разнонаправленные тенденции мирового развития. Обозначились новые точки отсчета в оценке тесной взаимосвязи и взаимообусловленности макроэкономических, военно-политических и других процессов, которые образуют неведомые ранее проблемные поля мировой политики. Усиливается конфликтное противостояние ключевых центров силы, способных создавать различные геополитические конфигурации, где появляются расширенные возможности продвижения их национально-государственных интересов. Период внятных, более или менее упорядоченных конкурентных взаимодействий в мире заканчивается. В западноцентричных геополитических объединениях все чаще происходит не всегда ожидаемая и прогнозируемая перегруппировка сил и интересов, чреватая серьезными стратегическими последствиями. В развитии трансатлантического партнерства контрастно обнажились те противоречия, проблемные узлы и болевые точки, которые осложняют в последние годы союзнические связи США и Евросоюза. Заметно усилились разногласия в геополитическом треугольнике США – ЕС – НАТО. Знаковой приметой этих разногласий стал публично озвученный диагноз «смерть мозга НАТО», который поставил в декабре 2019 г. Э. Макрон Североатлантическому альянсу. В отношениях ЕС с ключевыми стратегическими партнерами выявились новые геополитические диссонансы.

Ключевые слова: геополитика, стратегическое соперничество, суверенная автономия ЕС, США, Китай, Россия.

Новый вызов интегрированной Европе: очевидное – невероятное

Остро конфликтогенным фактором в трансатлантическом партнерстве стал разрыв Австралией «контракта века» с Францией на поставку 12 дизельных подводных лодок на гигантскую сумму 65 млрд евро в обмен на обещание США и Британии помочь Канберре создать собственный подводный, но уже атомный флот.

© **Неймарк Марк Афроимович** – д.и.н., профессор кафедры политологии и политической философии Дипломатической академии МИД России. **Адрес:** 119021, Россия, Москва, ул. Остоженка, 53/2, строение 1. **E-mail:** mark.neimark@mail.ru
SPIN-код: 2491-0280

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope72021152161>

Главным болезненным раздражителем для всей интегрированной Европы стал беспрецедентный скандал в истории союзнических отношений, вызванный объявлением о создании нового англо-саксонского альянса AUKUS (по начальным буквам Australia – United Kingdom – United States) для противодействия Китаю без каких-либо консультаций и согласований с ЕС, руководство которого даже не было поставлено в известность. Авторитетная французская газета «Монд», посвятившая этому событию редакционную статью, подчеркнула, что оно «ставит перед Европой экзистенциальные вопросы». В поисках адекватного ответа на них ЕС придется учитывать следующие последствия создания нового альянса.

Во-первых, оно затронет непосредственно трансатлантические отношения, ключевым принципом которых для Белого дома остается «Америка, прежде всего», т.е. приоритеты ее стратегических, экономических, финансовых и санитарно-медицинских интересов. В этом газета не видит никакого различия между Трампом и Байденом.

Во-вторых, это вывод Британии при помощи США в Индо-Тихоокеанское пространство, который знаменует собой первый этап становления «Глобальной Британии» после брекзита. Тем более значимый для обиженного туманного Альбиона жест, что скоропалительное бегство американских и других западных войск из Афганистана со своими стратегическими партнерами никак не согласовывалось.

В-третьих, помимо того, что задета гордость Франции, именно роль Европы в мировой политике поставлена под сомнение. Где и на какой стороне она окажется в тени того противоборства, которое происходит между Китаем и США? В состоянии ли она действовать как автономная сила или же европейские страны будут выступать разрозненно, теряя надежду оказывать какое-либо влияние на происходящее и защищать собственные интересы? Ирония в том, заключает газета, что известие о создании нового трехстороннего альянса пришло накануне презентации в Брюсселе Индо-тихоокеанской стратегии ЕС, которая «сразу же стала его бледной тенью». Это результат отсутствия сплоченности стран-членов и четкого стержня политики по отношению к усилению Китая. «Сегодня Евросоюз дорого платит за это» [Le Monde, 17.09.2021].

Метафора в геополитике: кто хищник, а кто добыча

В свете кризисной остроты ситуации, в которой внезапно оказалась не только Франция, но и вся интегрированная Европа, актуальной, хотя и далеко неоднозначной и нередко противоречивой по своим оценкам, представляется книга «Время хищников: Китай, США, Россия и мы» [Heisbourg, 2020]. В ней проанализированы особенности и перспективы отношений Евросоюза с ключевыми центрами силы в мировой политике, тесно увязываемые с обеспечением его стратегической автономии. Книга написана специальным советником парижского Фонда стратегических исследований Франсуа Эйсбуром, биография которого включает руководство Международным институтом стратегических исследований в Лондоне и Центром изучения политики безопасности в Женеве.

Именно с европейского точки зрения он осмысливает вызовы и проблемы, с которыми сталкивается ЕС в условиях все более выраженного противостояния в геополитическом треугольнике США-Китай-Россия. От отношений с ними и между ними в огромной степени зависит способность Евросоюза сохранять и наращивать

суверенную самостоятельность интегрированной Европы. Для придания большей убедительности своих аналитических выкладок и используемой аргументации автор прибегает к хлесткой метафоре, называя их геополитическими хищниками. Такая акцентированная метафоричность расширяет, естественно, диапазон его стилистических средств выражения, позволяя более контрастно выявить и представить сложнейшие нелинейные, все чаще разнонаправленные процессы, противоречивые тенденции и спонтанные события в глобальной политике. Но использование столь обобщенной иносказательности в явно несовпадающих контекстах анализа с неизбежностью оборачивается воспроизводством стереотипного антироссийского дискурса.

Ф. Эйсбур исходно предупреждает, что нельзя упрощенно отождествлять государство-хищника и государство-врага, хотя и оговаривает, что оба представляют опасность для Европы. В отдельных случаях, подчеркивает он, первое может быть идеологическим или стратегическим партнером и наоборот. В качестве примера он приводит США: если в период Первой мировой войны Америка Вильсона была государством-хищником, то Америка Рузвельта таковым не являлась. «Но никогда Соединенные Штаты не были нашим врагом» [Heisbourg, 2020: 27].

Примечательно, что автор применяет эту метафору и к самой Европе. Европа хищников, пишет он, ушла в прошлое, в котором остались опустошения в Латинской Америке в результате иберийской колонизации, ужасы трансатлантической работорговли, политика «разделяй и властвуй» в Африке в XIX веке, целое столетие унижений Китая. И, конечно же, политическое хищничество в самой Европе: обездоленная Ирландия, четыре раздела Польши, балканские народы под оттоманским игом и т.д. Не менее деструктивной была, по мнению автора, борьба ключевых европейских государств за гегемонию в мировом масштабе. После двух опустошительных мировых войн «Европа потеряет вкус к завоеваниям и отдельные европейские страны вернут – добровольно или под силовым давлением – территории, которые были колонизированы в предыдущие века» [Heisbourg, 2020: 28]. После «революции гвоздик» в Португалии в 1974 г., покончившей с ее колонизаторским прошлым, и уходом Испании из Западной Сахары «Европа вновь стала европейской. 500-летие инициированных ею завоеваний завершилось окончательно» [Heisbourg, 2020: 28]. Сегодня ситуация изменилась настолько, что Европа вынуждена использовать «несовершенные институциональные и политические инструменты, поскольку других попросту нет, и приходится действовать с осторожностью хирурга, отдающего себе отчет в том, что неудача возможна и чревата тяжелыми последствиями» [Heisbourg, 2020: 193, 195].

Как выбирать врагов

Красной линией в книге проходит призыв мыслить стратегически. Он совпадает с заявленным намерением Урсулы фон дер Ляйен руководить «геополитической» Европейской комиссией, т.е. выйти за рамки функциональной ответственности европейских комиссаров, тем более, что они отвечают за такие стратегически важные сегодня сферы, как цифровая экономика, мировая торговля, энергетическая политика, политика конкуренции, монетарная и банковская политика и т.д. В таком подходе автор видит ряд преимуществ: во-первых, для этого не надо пересматривать существующие договоры или заключать новые; во-вторых, не надо отдельным странам-членам ЕС навязывать общую стратегическую культуру; в-третьих, она да-

леко выходит за рамки сугубо военной сферы. Стратегический подход означает максимальную синтетическую интеграцию всех проблемных направлений и областей. Автор предупреждает, что было бы ошибкой считать это само собой разумеющимся: так действует мало государств и тем более сегодня.

Специфической конкретизации такого подхода посвящен в книге раздел, красноречиво названный «Искусство выбирать врагов». Его исходный посыл: мыслить стратегически означает умение «решить, кто враг, и выявить его цели». Затем необходимо выстроить шкалу опасностей, исходящих от врагов, а также степень их уязвимости, уяснить возможность их изоляции друг от друга и даже столкновения между ними или найти вариант наименьшего зла для себя.

Здесь мыслительная схема автора явно вторична, поскольку он фактически выступает с инициативой действовать в рамках «стратегемы умной силы», исходная концептуализация которой связана с именем известного американского политика и ученого Дж. Ная. Задолго до Эйсбура им были поставлены базовые вопросы, раскрывающие суть «умной силы»: какие цели или результаты предпочтительны, какие ресурсы доступны и при каких обстоятельствах, каковы позиции и предпочтения усилий в отношении объектов влияния, какие виды силового поведения вероятнее всего ведут к успеху, какова вероятность успеха?

Тем не менее надо отдать должное Эйсбуру, который настаивает на императивной необходимости усиления креативного аналитического потенциала в европейском пространстве, повышения способности генерировать новые идеи и рекомендации. Иначе говоря, европейцам придется сделать выбор в современном жестком мире, причем они должны осознавать, что принцип наименьшего зла надежнее простого отказа от такого выбора из-за опасения испачкать руки. «Этот страх заслуживает уважения, и можно успокоить себя тем, что он особенно живуч в Германии, которая напрочь утратила вкус к стратегическому авантюризму, но он может парализовать усилия [ЕС] в мире, где вновь обострилась конкуренция между великими державами». При этом подчеркивается, что «рассматривать всех великодержавных хищников как врагов и подходить к ним обобщенно, без учета особенностей, было бы стратегической ошибкой» [Heisbourg, 2020: 202].

Отнюдь не в единичных случаях автор поступает прямо наоборот, уравнивая их цели, задачи и устремления. Противоречивость его оценочной позиции никак не устраняет идущая вслед оговорка: в реализации политической стратегии, как на охоте, лучше не бегать за всеми зайцами сразу, тем более, что у Европы нет возможности выбирать конкретного среди них; к тому же это не всегда зайцы, а, скорее, хищники сами делают выбор среди нас» [Heisbourg, 2020: 180]. Это означает, что концептуальные и стратегические рамки, в которых придется действовать Европе, будут более сложными и потребуют большей гибкости, чем в периоды прошлых бинарных конфронтаций. «Вопрос лишь в том, способна ли современная Европа к необходимой мобилизации сил, чтобы этому противостоять. Способны ли европейские пожарные спасти дом от бушующего вокруг огня?» [Heisbourg, 2020: 181].

Казалось бы, Эйсбур предостерегает от упрощенных ответов на этот вопрос, требующий взвешенного компетентного осмысления и знания реальной ситуации. Но в его анализе общего и конкретного выводы, имеющие принципиальное значение, не всегда стыкуются оценочно и концептуально. Так, по его утверждению, в оборонной сфере сторонники и противники Евросоюза сходятся в критической

оценке эффективности его стратегических отношений с США и одновременно – «способности противостоять российской военной угрозе». Его аргументация: ЕС тратит на оборону почти в три раза меньше, чем США; НАТО коллективно располагает институциональными, юридическими и организационными механизмами, обеспечивающими военную жизнеспособность Альянса, чего до сих пор лишен Евросоюз. И тут же дается высокая оценка России, которая «проявила на Украине и в Сирии политическую и военную гибкость, к чему сегодня ЕС в целом неспособен». Только отдельные страны, как, например, Франция, имеют свободу маневра, «но в меньших масштабах, чем великая Россия» [Heisbourg, 2020: 182].

Эффективность противостояния Европы хищникам в геополитике увязывается в книге напрямую с динамикой происходящих в ней процессов. При этом автор выступает против бытующего упрощенного метафорического сравнения развития Европы с велосипедом: если не крутить педали, он упадет. Но проблемы начинаются тогда, констатирует он, когда метафора оправдывает движение ради движения, игнорируя необходимость делать паузы. Это означает своеобразное «бегство вперед», которое отчетливо проявилось в отрицательном отношении избирателей Франции и Нидерландов в ходе голосования в 2005 г. по поводу конституционных изменений в ЕС. Впрочем, оговаривает он, отцы-основатели интегрированной Европы не ошибались, когда описывали другой процесс, предполагающий последовательные рывки в ее развитии, спровоцированные кризисами. И такой подход, по его мнению, уже лучше учитывает реальность, чем метафора «Европа-велосипед». Возникает еще одна метафора – «Европа между двумя берегами реки»: чтобы не утонуть, она должна прибиться к ближнему берегу, а не к тому, который она покинула после Второй мировой войны. Такое сравнение «хуже, чем неудачное, оно опасное» [Heisbourg, 2020: 190]. В осмыслении перспектив интеграционных процессов появляется еще одна метафора – «Европа как живой организм», в котором произошел самый болезненный сбой – брекзит, напомнивший автору хирургическую операцию по разделению сиамских близнецов. Все эти метафоры обильно используются им, чтобы наглядно показать, что условия, в которых Европе приходится мобилизовать свои усилия для противостояния геополитическим хищникам, «отнюдь не идеальны» [Heisbourg, 2020: 192]. Здесь с неизбежностью возникает риторический вопрос: а когда они, эти условия, были идеальными?

Критически осмысливая прогностическую составляющую анализа лидерами ЕС трудностей в интегрированной Европе после падения Берлинской стены, автор отмечает, что они ошиблись в оценке шкалы сложности, важности и приоритетности их преодоления. Главными проблемами, вопреки их мнению, стали не острота дискуссий вокруг расширения или углубления интеграции в ЕС, не утяжеленность процедур принятия решений, не огромный разрыв в экономическом развитии отдельных стран-членов. Сегодня, настаивает он, главную трудность представляет «кризис представительной демократии, который свирепствует в Европе, как, впрочем, и в других либеральных демократиях мира, усугубляя, естественно, ситуацию» [Heisbourg, 2020: 184–185]. С таким упрощенным и зауженным выводом, в центрирующем фокусе которого оказался лишь один аспект кризиса ЕС, вряд ли можно согласиться: достаточно суммировать наиболее серьезные претензии евроскептиков.

В условиях нарастания внешних угроз для интегрированной Европы автор предлагает – не без налета политического цинизма – действовать в отношении дальней-

шего расширения ЕС. Принцип: обещать – не значит жениться. В качестве примера приводится Турция: «Предельно ясно, что она никогда не войдет в Евросоюз. Турки это знают, мы знаем, но стратегически и политически Турция и Евросоюз заинтересованы делать вид, что все обстоит иначе. Тем более, что политические издержки инициатора прерывания этого процесса будут велики. Надо еще очень хорошо выбрать момент, чтобы прекратить делать вид...» [Heisbourg, 2020: 198].

Стратегия равноудаленности или политика наименьшего зла?

В книге ставится принципиальный вопрос о способности интегрированной Европы адаптироваться к миру, в котором государства-хищники занимают ключевые позиции. Исходная предпосылка для развернутого ответа на этот вопрос – определение «охотничьих угодий современных хищников» [Heisbourg, 2020: 31]. Реальные возможности и потенциал противостояния им со стороны Евросоюза рассматриваются автором через двойную оптику – геоэкономическую и военно-политическую, четко разделяющую коллективные компетенции ЕС и компетенции стран-членов объединения. По одной шкале, Евросоюз – внешнеторговая сверхдержава, которую иногда даже называют «империей нормы». По другой – оборона остается в компетенции национальных государств и, если речь идет о коллективных действиях, она осуществляется в рамках НАТО, где главную роль играют США. «И вряд ли завтра солдаты единой европейской армии пойдут в атаку с криками “Ура Европе!”, “Единство в разнообразии!”». Другие суверенные компетенции реализуются с учетом особенностей этих организационно-структурных принципов Евросоюза. Именно они ставят европейский заслон любым проектам хищнической направленности, которые маргинализируют право и отдают приоритет использованию силы.

Автор считает императивно необходимым мобилизовать все имеющиеся у Евросоюза средства и возможности для сдерживания США в проведении «политики расширения их экстерриториальной юрисдикции, а также сферы злоупотреблений за счет использования господствующих позиций, обеспечиваемых долларизацией международной финансовой и торговой системы». Он настаивает на реальном видении принципа взаимности: когда американские власти накладывают многомиллиардные санкции на европейские финансовые организации, равнозначный ответ от ЕС должен следовать неукоснительно. Когда США угрожают отобрать у иностранного банка лицензию на право работать на американском рынке, ничто не мешает Евросоюзу действовать аналогичным образом в отношении американских банков, действующих в зоне евро [Heisbourg, 2020: 214]. «Но если США – друг, которого надо призвать к выполнению его обязанностей, то Китай – это захватчик, которому надо противостоять» [Heisbourg, 2020: 214–215].

При этом партнерство ЕС с Китаем представляется в книге в целом «менее вероятным, чем кажется на первый взгляд», несмотря на нарушения прав человека, шпионаж, технологическое пиратство, кибератаки, т.е. то, что создало стране – «первейшей кибердиктатуре» – плохую репутацию в Европе. У такого парадокса два основных авторских объяснения. Первое, очевидное, – это нынешний мощный экономический и финансовый потенциал Китая, его огромные инвестиционные возможности для развития Европы. Второе, это умение выбирать перспективного партнера: в одних случаях – точечно, отдельную страну, в других – использовать, не скрывая, «широкий невод». И снова метафора: «Сообразительный хищник умеет

найти себе союзника в курятнике, в котором он хочет похозяйничать». В таком раскладе автор видит, конечно же, опасность для Европы, которая теряет американского союзника, болезненно воспринимающего ее игру против него в геополитическом и геоэкономическом соперничестве двух великих держав. Он предупреждает потенциальных сторонников «китайского варианта», что им придется столкнуться с последствиями такого выбора, имея в виду и то, что в этой игре Китай использует свое партнерство с Россией. Но несмотря на высказанное им самим предостережение, он приходит к выводу, что из всех возможных стратегических опций для Европы китайский вариант представляется одним из наиболее вероятных. «Европейцы слишком расколоты сегодня перед могуществом Китая, чтобы можно было исключить выбор, связанный с нарастающей силой Пекина». Примечательно, что эти субъективные вариативно-прогностические выкладки нашли официальное подтверждение в решениях Евросоюза о так называемом тройственном подходе к Китаю как «партнеру, конкуренту и системному противнику» одновременно [Heisbourg, 2020: 207].

Оценочная определенность перспектив стратегического взаимодействия ЕС с Россией смазывается противоречиво-двойственным пониманием автором реальной сущности российской внешней политики. С одной стороны, он признает, что в западных геополитических «угольях» современная Россия никогда не «охотилась», в то время как обратных примеров предостаточно, они на виду и на слуху. С другой стороны, он утверждает, что в результате усиления ее геополитических позиций и возвращения в качестве крупного стратегического актора она «ведет себя как хищник, когда представляется возможность». Он настаивает на том, что будто на Мюнхенской конференции по безопасности 2007 г., на которой он лично присутствовал, В.В. Путин «дал отмашку российской политике ревизии европейского и мирового порядка», направленной «против враждебного Запада», и тут же, наоборот, в согласии с самим собой, констатирует: «Президент Путин, тем не менее, любит Европу, но при условии, что она простирается от Лиссабона до Владивостока» [Heisbourg, 2020: 25].

В целом же традиционная для Запада негативистская оценочная позиция перевесила: Россия обвиняется в стремлении ревизовать политический статус-кво в Европе и потому «европейцы должны быть готовы к ее поведению как хищника, тем более жестокого, что включает в себя ненависть и жажду реванша» [Heisbourg, 2020: 19]. А как эта оценочная позиция согласуется с сугубо позитивным авторским восприятием внешней политики России? [Heisbourg, 2020: 182].

Перспективы сближения Евросоюза с Россией автор рассматривает в контексте позиции Франции, озвученной Э. Макроном в августе 2019 г., которая преследует цель оторвать Россию от Китая, представляющего – опять противоречие – главную опасность для Европы. «Россия поглотит уступки Европы, сохранив стратегическое партнерство с Китаем, которое предлагает Москве спокойствие на востоке и свободу маневра на западе в условиях все большей активности США в Азиатско-Тихоокеанском регионе». Другое дело, что это может сработать, если целевая установка будет более скромной – на стабилизацию конфликтной ситуации на Украине и развитие российско-европейских экономических связей. Далее следует привычная антироссийская риторика: «Но это предполагает, что Кремль будет больше заинтересован в этом, чем в продолжении его нынешней политики дестабилизации на постсоветском пространстве, политических, кибернетических и информационных акций, направленных против эффективного функционирования европейских демо-

кратий, а также практики государственных убийств на европейской территории». И даже если допустить, что США адаптируются вполне адекватно к такому варианту сближения интегрированной Европы с Россией, оно все равно будет иметь ограниченный характер, считает автор. Но катастрофическим для Евросоюза, по его мнению, является прогностический вариант, при котором сближение с Россией может стать предлогом для вывода американских войск из Европы. «Вот будет номер: американцы уходят, Россия смотрит на это голодными глазами, китайское присутствие усиливается, российско-китайское партнерство остается незатронутым, а Европа оказывается лишенной военной организации» [Heisbourg, 2020: 204–205]. То, что высоколбый западный интеллигент оперирует столь расхожими антироссийскими формулами, лишь подтверждает главное: русофобия в геополитике – феномен системный, т.е. ценностный, мировоззренческий, политический, экономический, социокультурный.

В столь усложненном сегодня геополитическом контексте автор считает необходимым для Европы вернуться к концепции «равноудаленности по всем азимутам», которой гибко пользовались французские президенты де Голль и Ф. Миттеран. Перспектива тем более привлекательна, что дает возможность Европе действовать самостоятельно и «не раствориться в магме англофонии и неолиберализма». Он подчеркивает роль Франции в продвижении концепции стратегической автономии и суверенности Европы.

Рассматривая этот парадокс как некую двусмысленность, автор делает принципиальный вывод: «Политика европейской равноудаленности по отношению к трем [геополитическим] хищникам стала бы абсолютной новацией по своей сути, а не только по своим масштабам», и более того – «разрывом с последовательной политикой, обусловленной нашими прежними предпочтениями» [Heisbourg, 2020: 208]. В конечном счете безоговорочное уравнивание партнеров приведет к проигрышу «одинокого волка». Имеется в виду, что «отсутствие выбора между хищниками усугубляет присущую Евросоюзу особенность – его структурную неспособность к быстрому маневрированию». Конкретно это означает, что в односторонних отношениях с крупными хищниками, которые несоизмеримо более гибкие, чем он, ЕС окажется попросту неуправляемым» [Heisbourg, 2020: 210].

С учетом приведенных аргументов автор делает ставку на переформатирование европейско-американских отношений. Исходный посыл – США остаются великой державой, которая менее чужеродна Европе, чем названные выше потенциальные партнеры. И это несмотря на «популистские и хищнические передержки, свойственные сегодня Соединенным Штатам, а также их стратегическое давление на всем Индо-Тихоокеанский пространстве». Важнее, что Европу и США объединяет система демократических ценностей и союзнические, хотя и ослабленные, связи, тогда как нет и не будет ничего подобного в ее отношениях с Китаем и Россией.

Выбор в пользу европейско-американского переформатированного партнерства должен опираться, по мнению автора, на базовый принцип гибкости. В интересах Европы постоянно учитывать, что стратегическим приоритетом США на ближайшие десятилетия останется великодержавная конкурентная состязательность с Китаем и именно поэтому только позиционируя себя как неизбежный партнер в условиях такого соперничества, интегрированная Европа «сможет выстроить привилегированные отношения с Соединенными Штатами, не разводя окончательно мосты с Китаем и Россией» [Heisbourg, 2020: 211].

Предупреждая естественную тревогу европейцев в связи с опасным равнением ЕС на США, стремящихся покончить с могуществом Китая, автор разъясняет, что речь идет не об интеграции/совмещении двусторонней политики, а об объединении усилий, т.е. деконфликтизации. Это означает: если нельзя договориться в главном, то можно хотя бы обозначить зоны несогласия. Согласование позиций с США не ослабит способность Евросоюза работать с Китаем. «Ведя себя таким образом, Европа проявит себя большим тяжеловесом, чем если будет действовать изолированно» [Heisbourg, 2020: 213].

При этом он делает оговорку, которая входит в противоречие с его же выводом на стр. 208, что идея де Голля и Миттерана исходно не предполагала равноудаленности по отношению к великим державам и, кроме того, доктрина «на всех азимутах» никогда не была реализована. В самые ответственные моменты и тот, и другой были среди наиболее надежных союзников Североатлантического альянса. Де Голль не разыгрывал карту «всех азимутов» в «берлинский» период конфронтации с СССР 1958–1962 гг. или времена кубинского ракетного кризиса. Миттеран подтвердил свою солидарность с партнерами по НАТО во время кризиса, вызванного размещением американских ракет в Европе в начале 80-х гг. прошлого века. И то, что, по словам автора, известно меньше, в первый и последний раз в истории V Республики именно при нем в законе о планировании обороны страны на 1984–1988 гг. СССР со всей определенностью был обозначен как ее враг. Автор делает акцент на том, что этот стратегический выбор Франции увязывался непосредственно с ее принадлежностью к НАТО, хотя в 1966 г. она вышла из интегрированного военного командования Альянса (вернулась только в 2009 г. – М.Н.). Диагноз «смерть мозга», который Э. Макрон поставил НАТО, остался вне поля зрения автора.

Выводы

Книга наглядно показывает особенности кризиса адаптации интегрированной Европы к кардинально изменившимся геополитическим условиям, усугубленного большим массивом постбрекзитных проблем. Внутренних и внешних конфликто-генных факторов в Евросоюзе становится все больше.

Самая большая опасность для ЕС – если не будет хватать геополитических и геоэкономических возможностей, придется расплачиваться целью. Опасения Ф. Эйсбура относительно равноправного трансатлантического партнерства подтвердились. Свидетельством тому стал масштабный скандал в связи с безупречно подготовленной по канонам тайной конкурентной войны «сделкой века». Игнорирование интегрированной Европы при создании тройственного военного соглашения США–Великобритания–Австралия воспринято в ней обостренно-болезненно и выражается, далеко не только евроскептиками, в такой саркастической форме: США уже столько обещали Европе, а ей все мало, и остается только одно – самой решить, что ей пообещать. То, как главный стратегический союзник обошелся с Францией, тревожный звонок для всей Европы.

Жизненная практика убедительно подтверждает истину: ничто так не множит проблемы, как половинчатые решения. Особенно это касается комплекса вопросов о субъектности Евросоюза, стратегические перспективы развития которого зависят, чем дальше, тем больше, от преодоления геополитических диссонансов в отношениях с ключевыми центрами силы и эффективности взаимодействия с ними. Стратеги-

ческое мышление и адаптационная гибкость в императивной сопряженности с реальной, а не декларируемой готовностью решительно отстаивать свои цели и базовые интересы, на чем делает акцент Ф. Эйсбур, становятся важнейшей предпосылкой для ускользающего, прежде всего, усилиями США, суверенного статуса ЕС.

Из книги явствует, что прежние оценочные границы слишком узки для осмысления столь изменчивой сложности нынешнего европейского пространства, которое требует многомерного системно-стратегического анализа, обеспечивающего заданную достоверность оценок и прогнозов. Но было бы явным преувеличением считать новаторскими, прорывно-инновационными призывы и рекомендации автора.

Что касается России, то автор, похоже, придерживается мнения тех любителей парадоксов в европейских властных структурах, кто считает: чем прохладнее отношения с ней, тем лучше они сохраняются.

Сегодня, как никогда ранее, возрастает практико-политическая значимость стратегической культуры ответственности руководящих структур ЕС за обеспечение заявленной автономной суверенности. Не потому ли автор, будто предвидя тщательно подготовленную импровизацию США, ставшую шоком для его страны и всей интегрированной Европы, многозначительно назвал свою книгу о современной геополитике «Время хищников»?

Список литературы / References

Heisbourg, F. (2020) *Le temps des prédateurs: la Chine, les Etats-Unis, la Russie et nous*, Odile Jacob, Paris, France.

Le Monde, "Les trois leçons de l'alliance entre l'Australie, les Etats-Unis et le Royaume-Uni", URL: https://www.lemonde.fr/idees/article/2021/09/17/les-trois-lecons-de-l-alliance-entre-l-australie-les-etats-unis-et-le-royaume-uni_6095013_3232.html (accessed: 08.10.2021)

Predators in Geopolitics and Europe

Received 08.09.2021

Author: Neimark M., Doctor of Science (Historics), Professor of the Department of Political Science and Political Philosophy Diplomatic Academy of the Ministry of the Foreign Affairs of the Russian Federation. **Address:** build. 1, 53/2, Ostozhenka street, Moscow, 119021. **E-mail:** mark.neimark@mail.ru SPIN-code: 2491-0280

Abstract. Transformational processes in the world are accelerating and are highly intertwined. Deep rifts are taking place in the geopolitical space. The most acute contradictions and multidirectional tendencies of world development accumulated in the previous period develop. New points of reference have emerged in assessing the close relationship and interdependence of macroeconomic and military-political processes, which shape unknown fields of world politics. Confrontation between the key centers of power, capable of creating various geopolitical configurations, where expanded opportunities for promoting their national and state interests appear. The period of intelligible, more or less ordered competitive interactions in the world seems to be coming to an end. In Western-centric geopolitical associations, the not always expected and predictable regrouping of forces and interests is taking place more frequently, fraught with serious strategic consequences. Recently in the development of the transatlantic partnership, the contradictions, problem nodes and pain points that have complicated the allied ties between the United States and the European Union have been contrasted. Disagreements in the US-EU-NATO geopolitical triangle have noticeably increased. A sign of these disagreements was the diagnosis of "NATO brain death", which E. Macron made to the North Atlantic alliance in December 2019. New geopolitical discrepancies have emerged in EU relations with key strategic partners.

Key words: geopolitics, strategic rivalry, EU strategic autonomy, USA, China, Russia.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope72021152161>